

ВЕКТОРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОЦИДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

VECTORS OF COUNTERACTION TO ECOCIDE (BASED ON FOREIGN RESEARCH MATERIALS)

**V. Safonov
S. Savchenko**

Summary. An attempt is made to determine the prospective environmental damage caused by ecocide. The most critical situations and causes that contribute to the likelihood of ecocide are identified. The most general legal mechanisms for countering ecocide are proposed. Two diametrically opposed approaches to the causes of ecocide are contrasted: anthropocentrism and ecocentrism. According to the authors, ecocentrism may not solve all crisis situations or neutralize all threats to nature, but it can draw more attention to the interconnections and dependencies between humans and the forces of nature. Responsibility towards future generations is regarded as a socio-legal and humanistic factor in countering ecocide.

Keywords: ecocide, harm, assessment, anthropocentrism, and ecocentrism.

Сафонов Владимир Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, Северо-Западный филиал, Университет правосудия им. В.М. Лебедева
svn205@gmail.com

Савченко Светлана Николаевна

главный специалист прокуратуры,
Выборгский район Санкт-Петербурга
svetochka.savchenko.01@mail.ru

Аннотация. Предпринимается попытка определить перспективный экологический ущерб от экоцида. Называются наиболее кризисные ситуации и причины, стимулирующие вероятность экоцида. Предлагаются наиболее общие правовые механизмы противодействия его проявлениям. Противопоставляются два диаметрально противоположных отношения к причинам экоцида: антропоцентризм и экокентризм. Экокентризм, по мнению авторов, не решит все кризисные ситуации и не нейтрализует угрозы для природы, но он может более широко привлечь внимание к взаимосвязям и зависимостям человека и сил природы. Ответственность перед будущими поколениями расценивается как социально-правовой и гуманистический фактор противодействия экоциду.

Ключевые слова: экоцид, вред, оценка, антропоцентризм, экокентризм.

Природная среда создает пространство для жизнедеятельности живых существ. Однако в начале XXI века биоразнообразие растений и животных исчезает в беспрецедентных масштабах, а степень загрязнения природной среды превышает допустимые нормы. В предыдущий период экоцид происходил в основном локально. Технологический прогресс, экономический и промышленный рост способствуют систематическому увеличению угроз для окружающей среды.

В юридической науке, в частности, в зарубежной, все чаще поднимается вопрос об оценке долгосрочного экологического ущерба. Речь идет о вреде, который проявляется спустя значительное время после действий, вызвавших его, и, зачастую, в изменившихся социально-экологических условиях. В научных исследованиях отмечается, что долгосрочные последствия масштабных выбросов, уничтожения лесов, загрязнения воды или разрушения экосистем, например, в Арктике и Амазонии, могут нанести непоправимый вред будущим поколениям. Однако сегодняшние способы оценки такого ущерба в уголовном праве неполны и в основном учитывают последствия, которые видны в ближайшем будущем.

Таким образом, можно сказать, что у ученых и практиков нет общего подхода к определению критериев дол-

госрочного экологического ущерба. Также нет единого мнения о том, насколько такие отложенные последствия могут быть основанием для признания действий международным преступлением против человечества или отдельным «внутригосударственным» преступлением экоцида. Эта неопределенность вызывает много вопросов: как правильно учитывать будущие риски при определении вины? Можно ли достаточно точно предсказать ущерб? Какую роль играет предупреждение в уголовном праве, когда речь идет об угрозах будущим поколениям? Чтобы ответить на эти вопросы, нужны новые правовые инструменты, основанные на принципах предосторожности и ответственности перед будущими поколениями. В связи с этим оценка долгосрочного ущерба от экоцида может и должна стать важным направлением развития международного уголовного права в XXI веке.

Безопасность — одно из величайших желаний человека и объектов правовой охраны. Поэтому безопасность — одна из целей, преследуемых государствами в рамках национальных стратегий безопасности. Термин «безопасность» определяется как состояние, в котором нет физической угрозы существованию и различным проявлениям человеческой жизни и деятельности. Состояние физической безопасности в современной зарубежной доктрине интерпретируется как противо-

положность тревоги, тоски и страха [1]. Поэтому для взаимодополняемости защитных действий необходимо учитывать и нейтрализовать угрозы безопасности и в психологическом измерении.

Во многих частях мира люди вынуждены покидать или бежать из своих прежних мест жительства из-за деградации окружающей среды [2]. Преступная деятельность против природы разрушает биологические структуры и вызывает изменения в тонкой и хрупкой ткани природы. Умышленное лишение людей средств к существованию, вызванное опустошением природной среды, может стать одним из самых серьезных и многомерных нарушений прав человека в ближайшем будущем.

Растущая деградация окружающей среды делает экологическую безопасность одним из ключевых компонентов стратегий общественной безопасности. Термин «экологическая безопасность», как правило, относится к действиям, предпринятым для минимизации или устранения рисков для здоровья и жизни человека, возникающих в результате воздействия на природную среду. Применительно к экоциду это суженное определение, поскольку анализируемое явление имеет генезис, вытекающий из антропогенной деятельности.

Существуют природные процессы, которые могут привести к истощению природных ресурсов, например землетрясения с цунами, торнадо, засухи. В отличие от действий человека, это не действия, предпринимаемые преднамеренно и с умыслом. С другой стороны, экоцид — это умышленные действия, направленные на массовое уничтожение растительного или животного мира или недр либо отравление атмосферного воздуха, земельных или водных ресурсов, либо совершение иных действий, которые вызвали или могли вызвать экологическую катастрофу.

Однако ущерб окружающей среде может возникать и вследствие бездействия уполномоченных органов, проявляющегося в превышении полномочий при надзоре за экологической безопасностью, осуществлении строительных работ без получения необходимых разрешений и проведения оценки воздействия на окружающую среду, а также в непринятии превентивных мер в условиях известной угрозы аварий на промышленных объектах, способных привести к загрязнению природной среды. Такое поведение представляет собой значительную угрозу для экологической безопасности и устойчивого природопользования и квалифицируется как экологическое правонарушение. Возникает вопрос: не искусственное ли это разделение по существу одного явления с различной формой вины?

Промышленное развитие, ускорение урбанизации приводят к приобретению все больших территорий для

культивирования и строительных инвестиций. Согласно данным Продовольственной и сельскохозяйственной комиссии организации Объединенных Наций, в период с 2012 по 2050 год для сельскохозяйственного производства потребуется дополнительно 100 миллионов гектаров земли [3]. Спрос на сельскохозяйственные земли связан с усилением вмешательства в природную среду. Многие природные ресурсы являются невозобновляемыми. Антропогенная деятельность означает, что все больше и больше видов флоры и фауны находятся в состоянии непосредственной угрозы исчезновения. Преступления экоцида создают опасность причинения серьезного ущерба природе и создают реальный риск нарушения биологического баланса в экосистемах.

Однако привязка генезиса экопреступлений к индустриализации не дает полной картины явления. Следует также учитывать преобразования, происходящие в структуре и функционировании международного сообщества. Появляется все больше и больше субъектов, характеризующихся возрастающей способностью влиять на процесс законотворчества в области охраны окружающей среды, например, биотехнологические конгломераты, энергетические компании, экономические лобби. Среди возникающих проблем стоит отметить все более тесные связи между производителями продуктов питания растительного происхождения и продовольственными концернами. В результате глобализация агробизнеса создает сеть взаимосвязей, повышая риск фальсификации продукции, снижения ее качества или сокрытия содержания химических консервантов. С. Пракаса пишет о международных корпорациях, которые, игнорируя экологические принципы, участвуют в деятельности, вызывающей деградацию окружающей среды под прикрытием улучшения «инвестиционного климата» [4].

Либерализация инвестиций приводит к развитию транснациональной торговли и созданию филиалов топливно-энергетических концернов за пределами стран, где расположены их штаб-квартиры. Инвестиции направлены на получение территорий, богатых природными ресурсами. Эти усилия приводят к деградации флоры и уничтожению видов флоры и фауны. Например, в Эквадоре в результате антропопрессии на окружающую среду и добычи нефти произошла экологическая катастрофа, получившая название «Чернобыль в тропических лесах» или «Амазонский Чернобыль» [5]. Месторождения нефти были обнаружены в национальном парке Ясуни, одном из самых биологически разнообразных районов мира. Обширное уничтожение флоры одновременно повлияло и на функционирование общества.

Увеличение числа случаев, которые могут быть квалифицированы как экоцид, вызван также доминированием экономических факторов и социального неравенства. Опустошение природной среды вызывает изменение

климата, дефицит пахотных земель и, как следствие, нехватку продовольствия. Засухи, опустынивание, погодные аномалии, парниковый эффект вызывают негативные преобразования в функционировании природы и общества. В результате усугубляются бедность, недоедание, социальная изоляция и дискриминация. Декомпозиция международного порядка делает безопасность все более зыбкой, фрагментарной и сложной. Отсюда вывод, что безопасность следует рассматривать с более широкой перспективы, принимая во внимание окружающую среду человеческой жизни, с учетом интересов будущих поколений. Поэтому создание и применение стандартов экологической безопасности также требует соответствующей законодательной среды.

Еще одним важным элементом определения экологической безопасности является межпоколенческий характер защитных мер. Это утверждение подкрепляется первым принципом Стокгольмской декларации: «Человек имеет основное право на свободу, равенство и адекватные условия жизни в окружающей среде, которая позволяет жить достойно и благополучно, и он несет ответственность за защиту и улучшение окружающей среды для нынешнего и будущих поколений». Тезис о межпоколенческом компоненте стратегии общественной безопасности оправдан смыслом Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, в которой подчеркивается роль «разработки упреждающих политик». Чистая окружающая среда является как общим наследием, так и обязанностью многих заинтересованных сторон. Поэтому это обязательство распространяется не только на государства как основных субъектов международного права, но и охватывает всю систему общества.

Нормативизация ценностей с экологическим компонентом облегчается необязательными международными соглашениями, декларациями, резолюциями и другими документами, которые не имеют юридической силы, но оказывают влияние на формирование общественного мнения и предполагающими последующее принятие обязательных договоров и законов. В резолюции об охране природной среды в районах, пострадавших от военных конфликтов, принятой в 2016 году Ассамблеей Организации Объединенных Наций по окружающей среде, была подчеркнута роль непрерывной охраны окружающей среды. Резолюция поддерживает тезис о межпоколенческом характере обязательств в области обеспечения экологической безопасности. Этот документ может со временем породить юридически обязывающие нормы.

Несложно заметить, что первоначально экоцид интерпретировался в смысле военной тактики или несилowych средств, предназначенных для уничтожения потенциала противника. Каждый день незаконные действия,

которые можно классифицировать как экоцид, отмечаются все более и более далеко идущими последствиями. Следует отметить, что эти действия предпринимаются не только во время вооруженных конфликтов и кризисных ситуаций, как утверждалось до сих пор, но и в периоды относительной стабилизации. По оценкам специалистов, в период с 1990 по 2020 год в результате вырубки лесов во всем мире было потеряно 420 миллионов гектаров леса. Процедура вырубки последовательных слоев тропических лесов набирает обороты. Подсчитано, что каждую минуту вырубается 40,5 гектара (100 акров) тропических лесов, которые выполняют жизненно важные функции как для функционирования человека, так и для всей экосистемы нашей планеты [6].

Отсутствие превенции экоцида может способствовать превращению человеческой среды в экологическую пустошь. Онтологическая связь между человеком и природой разрушается. Другие угрозы включают парниковый эффект, катастрофы нефтяных танкеров или аварии на атомных электростанциях. Поскольку существует сеть взаимосвязей, взаимодействий и взаимозависимостей в окружающей среде, деградация водной экосистемы также оказывает серьезное воздействие на условия жизни на суше.

Расширяя аргумент о межпоколенческих обязательствах, следует сослаться на Преамбулу к Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, в которой говорится, что: «ухудшение или исчезновение любого элемента культурного или природного наследия представляет собой вредное обеднение наследия всех наций мира». Деятельность по противодействию и предотвращению экоцида требуют большего международного сотрудничества, чем до сих пор. Стратегия в этом отношении должна осуществляться систематически, а не спорадически. Защита, не суженная различием форм, является гарантией того, что при мерах экологической безопасности будут приняты во внимание как биотические, так и абиотические факторы.

Следует учитывать, что нарушение биологических процессов в экосистеме не всегда имеет немедленные и видимые последствия, поскольку процесс деградации может происходить постепенно. Однако отсутствие риска не должно приводить к бездействию и отказу от модернизации стратегии безопасности. Предпринимаемые действия должны быть взаимосвязаны с образовательными программами. Вызывает тревогу тот факт, что перед лицом роста и интенсивности угрозы экоцида существует фрагментированный подход к вопросам охраны окружающей среды, законодательные пробелы, отсутствие эффективных механизмов для обмена информацией и отсутствие систем оповещения о надвигающихся бедствиях.

Нынешний механизм охраны окружающей среды насыщен антропоцентрическими критериями. Это важно для прав и свобод человека, поскольку служит для усиления защиты прав человека. Однако по отношению к окружающей среде антропоцентризм переносит экологические аспекты на задний план. Следовательно, охрана природы рассматривается с точки зрения защиты прав личности. Природа не играет решающей роли, а служит фоном для защиты прав человека. Антропоцентрические критерии приводят к рассмотрению природы с точки зрения прав собственности, что приводит к объективации окружающей среды на правовых основаниях. Переосмысление этой точки отсчета необходимо для развития новой экологической этики. Для повышения эффективности противодействия и предотвращения экоцида необходимо углублять знания о явлениях и процессах, происходящих в природе. Экоцентризм позволяет сосредоточить внимание регулирования на природе.

Следует подчеркнуть, что ни одно человеческое суждение не свободно от ошибок, поэтому экоцентризм также не следует принимать абсолютно некритично. В экоцентризме предполагается, что природа имеет присущую ей внутреннюю ценность [7]. Осознание ценности природы, вытекающей из природного порядка, должно привести к пересмотру существующих экологических стратегий и норм. Экоцентризм помогает нейтрализовать утилитарное понимание окружающей среды, увековеченное антропоцентризмом.

Поэтому, изменив точку отсчета на экоцентрическую, можно подчеркнуть экологическое обоснование в более широком свете, указав, что люди являются частью большого живого организма природы. Следует подчеркнуть, что экоцид направлен не только на природную среду, но и на природный порядок в широком смысле этого слова. При таком подходе экоцентризм направлен на осознание того, что человек, хотя и отличается от всех существ, должен быть хранителем природы, а не ее завоевателем.

До недавнего времени в публичном дискурсе экоцид рассматривался в основном в смысле военной тактики. В свете вышеизложенных соображений нет сомнений в том, что в настоящее время экоцид является одной из самых больших трансграничных угроз для сохранения природы. Предотвращению и борьбе с экоцидом препятствует увеличение числа акторов, которые вместо использования языка экологического права «говорят цифрами» и жонглируют прибылью и убытками. Действия транснациональных корпораций, топливно-энергетических компаний в настоящее время практически безнаказанны. Следовательно, необходимо пересмотреть состав субъектов, которые могут быть привлечены к ответственности в свете международного права.

В экоциде природа — это молчаливая жертва. Пробел в виде отсутствия нормативного определения и регулирования экоцида на международной арене способствует созданию правового вакуума, ослабляющего защиту окружающей среды и возможность действия правовых норм в этой области. Подобно экоциду, который лишает экосистемы их жизнеспособности, отсутствие законодательной деятельности углубляет эрозию экологической безопасности. Для того, чтобы сделать защиту эффективной, экологическое обоснование должно рассматриваться как ключевое, которое может предотвратить понимание окружающей среды только через призму утилитарной полезности для людей.

Экоцентризм, скорее всего, не решит все кризисные ситуации и не нейтрализует угрозы для природы, но он может более широко привлечь внимание к взаимосвязям и зависимостям человека и сил природы. Это прокладывает путь к постепенному изменению существующих норм экологического права и международной юрисдикции, показывая, что экоцид направлен не только на окружающую среду человеческой жизни, но и на всю жизнь на нашей планете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Szuniewicz M. Ochrona bezpieczeństwa państwa jako przesłanka ograniczenia praw i wolności jednostki w świetle Europejskiej Konwencji Praw Człowieka: [монография]. — Warsaw: Wydawnictwo C.H. Beck, 2016. — URL: <https://www.ibuk.pl/fizyka/161313/ochrona-bezpieczenstwa-panstwa-jako-przeslanka-ograniczenia-praw-i-wolnosci-jednostki-w-swietle-europejskiej-konwencji-praw-czlowieka.html> (дата обращения: 04.11.2025).
2. The Brookings Institution, et al. Guidance on protecting people from disasters and environmental change through planned relocation: — Washington, DC: The Brookings Institution, 2015. — URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/guidance_planned-relocation_14-oct-2015.pdf (дата обращения: 04.11.2025).
3. International Year of Plant Health 2020 // FAO — food and agriculture organization of the United Nations. — URL: <https://www.fao.org/plant-health-2020/home/en> (дата обращения: 27.07.2025).
4. Prakasa S. Ecocide crimes & Omnibus Law: review of International Law and its implications on Indonesia Law // *Dinamika Hak Asasi Manusia*. — 2021. — Т. 12, (№2). — P. 18.
5. Donziger S.R. Rainforest Chernobyl: litigating indigenous rights and the environment in Latin America // *Human Rights Brief*. — 2004. — Т. 11, (№2). — P. 2.
6. Kortenkampand K.V. Moore C.F. Ecocentrism and anthropocentrism: moral reasoning about ecological commons dilemmas // *Journal of Environmental Psychology*. — 2001. — Т. 21, (№ 3). — P. 263.

© Сафонов Владимир Николаевич (svn205@gmail.com); Савченко Светлана Николаевна (svetochka.savchenko.01@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»